

Способы маркирования прямой эвиденциальности в вах-васюганском диалекте хантыйского языка

¹ В.В. Воробьева, ORCID: 0000-0003-1559-8810 <victoriavorobeva@mail.ru>

^{1,2} З.В. Федоринова, ORCID 0000-0002-6700-0617 <fav1@rambler.ru>

¹ Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН,
Россия, 109004, Москва, ул. Александра Солженицына, 25.

² Национальный Исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, 634050, проспект Ленина, д. 30.

Аннотация. В статье рассматриваются способы маркирования прямой эвиденциальности в вах-васюганском диалекте хантыйского языка на материале корпусных данных платформы Lingvodoc. Цель исследования – выявить и описать лексико-синтаксические средства кодирования источника информации в диалекте со слабой грамматикализацией данной категории. Методологическую основу составляет гибридный подход, сочетающий традиционный лингвистический анализ с инструментами корпусной лингвистики и полевыми методами. В результате анализа установлено, что прямая эвиденциальность маркируется преимущественно лексически – через глаголы сенсорного восприятия (вах. *wuta*, вас. *unta* ‘видеть’, *kolta* ‘слышать/чувствовать’, *läytä* ‘глядеть’), функционирующие в различных временных формах и синтаксических конструкциях. Особое внимание уделено глаголу *kolta*, демонстрирующему кросс-модальную семантику и способность кодировать не только аудиальную, но и тактильную, температурную, интероцептивную перцепцию. Выявлено, что *kolta* также функционирует в репортивных и инференциальных контекстах, сигнализируя о косвенном знании и нередко сопровождаясь маркерами сниженной эпистемической уверенности (*kim*, *willä*). Показано, что акт восприятия часто предшествует описанию события, создавая эвиденциальную рамку достоверности. Исследование подтверждает, что в вах-васюганском диалекте эвиденциальность реализуется как гибкая лексико-синтаксическая система, позволяющая говорящему варьировать степень эпистемической ответственности. Полученные данные вносят вклад в типологию эвиденциальности уральских языков и демонстрируют континуум стратегий кодирования засвидетельствованности – от морфологических до лексических.

Ключевые слова: вах-васюганский хантыйский; полевые данные; текстовые корпуса; платформа LingvoDoc; прямая эвиденциальность; визуальная эвиденциальность; аудитивная эвиденциальность.

Для цитирования: Воробьева В.В., Федоринова З.В. Способы маркирования прямой эвиденциальности в вах-васюганском диалекте хантыйского языка. Труды ИСП РАН, том 38, вып. 6, часть 1, 2026 г., стр. 203–218. DOI: 10.15514/ISPRAS-2026-38(6)-13.

Благодарности. Авторы выражают искреннюю благодарность анонимным рецензентам за их ценные комментарии к статье. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 25-78-20002 «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ». Результаты получены с использованием услуг Центра коллективного пользования Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН – ЦКП ИСП РАН.

Methods of Encoding Direct Evidentiality in the Vakh-Vasyugan Dialect of Khanty

¹ V.V. Vorobeva, ORCID: 0000-0003-1559-8810 <victoriavorobeva@mail.ru>

^{1,2} Z.V. Fedorinova, ORCID 0000-0002-6700-0617 <fav1@rambler.ru>

¹ Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences,
25, Alexander Solzhenitsyn st., Moscow, 109004, Russia.

² National Research Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin ave., Tomsk, 634050, Russia.

Abstract. This article examines methods of encoding direct evidentiality in the Vakh-Vasyugan dialect of Khanty, based on corpus data from the Lingvodoc platform. The aim of the study is to identify and describe lexico-syntactic means of encoding information source in a dialect with weak grammaticalization of this category. The methodological foundation is a hybrid approach that combines traditional linguistic analysis with corpus linguistics tools and fieldwork methods. The analysis reveals that direct evidentiality is marked primarily through lexical means—specifically, sensory perception verbs (*wuta/unta* ‘see’, *kolta* ‘hear/feel’, *läytä* ‘look’), which function in various tense forms and syntactic constructions. Particular attention is given to the verb *kolta*, which demonstrates cross-modal semantics and the ability to encode not only auditory but also tactile, thermal, and interoceptive perception. It is shown that *kolta* also functions in reportative and inferential contexts, signalling indirect knowledge and frequently co-occurring with markers of reduced epistemic certainty (*kim*, *willä*). The study demonstrates that the act of perception often precedes the description of an event, creating an evidential frame of reliability. The findings confirm that in the Vakh-Vasyugan dialect, evidentiality operates as a flexible lexico-syntactic system that allows speakers to modulate their degree of epistemic responsibility. The results contribute to the typology of evidentiality in Uralic languages and illustrate a continuum of strategies for encoding attestation—ranging from morphological to lexical means.

Keywords: Vakh-Vasyugan Khanty; field data; text corpora; LingvoDoc; data analysis; language documentation; direct evidentiality; visual evidentiality; auditory evidentiality.

For citation: Vorobeva V.V., Fedorinova Z.V. Methods of Encoding Direct Evidentiality in the Vakh-Vasyugan Dialect of Khanty. Trudy ISP RAN/Proc. ISP RAS, vol. 38, issue 6, part 1, 2026, pp. 203-218 (in Russian). DOI: 10.15514/ISPRAS-2026-38(6)-13.

Acknowledgements. The authors are grateful to the anonymous reviewers for their insightful comments to the article. This research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 25-78-20002 “Capabilities of Artificial Intelligence for Comparative-Historical Study of Low-Resource Languages of the Peoples of the Russian Federation”. The results were obtained using the services of the Ivannikov Institute for System Programming (ISP RAS) Data Center.

1. Introduction

Эвиденциальность понимается как универсальная языковая категория, представляющая собой систему разноуровневых средств, функционально ориентированных на репрезентацию источника информации в процессе вербального взаимодействия [1]. Данная категория обнаруживает множественные пересечения с категориями модальности и митративности [2]. Способы грамматической реализации эвиденциального содержания варьируются в зависимости от языка. В языках с менее грамматикализованной системой эту функцию выполняют лексические единицы: наречия, модальные слова, вводные конструкции (например, видимо, говорят), устойчивые словосочетания, а также модели синтаксических конструкций [3]. Напротив, в языках с развитой грамматической стратегией используются специализированные аффиксы, клитики, формы времени-аспекта-наклонения, а также модальные или вспомогательные глаголы [1].

Типологически на основе источника информации выделяются два основных типа эвиденциальных категорий: прямая (перцептивная) и косвенная [4]. Прямая эвиденциальность предполагает, что говорящий является очевидцем события и получил

информацию через органы чувств (зрение, слух, тактильное восприятие и др.). Косвенная эвиденциальность базируется на сведениях из вторых рук (репортивная эвиденциальность) либо на умозаклчениях говорящего, сделанных на основе наблюдаемых результатов (инференциальная эвиденциальность) [4]. Хотя возможность выражения этих значений существует в любом языке, наличие обязательных грамматических маркеров не является универсальной чертой и может варьироваться от нулевой маркировки (в некоторых европейских языках) до развёрнутого грамматического кодирования [5].

В пределах уральской языковой семьи наблюдается разнообразие стратегий кодирования засвидетельствованности. Грамматикализованная эвиденциальность зафиксирована в эстонском, ливском, марийском, коми, удмуртском, севернохантыйском, мансийском, а также в самодийских языках [6].

Что касается терминологии, то изучаемые явления в уральских языках длительное время описывались в русском языкознании в рамках категории очевидности/неочевидности (например, «неочевидное наклонение»). Термин «эвиденциальность» стал активно применяться к данным материалам преимущественно в последних исследованиях, уточняя функциональные свойства темпоральных маркеров и их интеграцию в систему средств выражения семантики засвидетельствованности.

Цель исследования – проанализировать стратегии реализации прямой эвиденциальности в вах-васюганском диалекте хантыйского языка, а также проследить, как категория прямой перцепции может быть семантически деривирована для выражения косвенного знания.

Материалом исследования послужили корпусные данные вах-васюганского диалекта хантыйского языка, включая недавно полученные полевые материалы, размещённые на цифровой платформе LingvoDoc. Корпус содержит анкеты по теме исследования, образцы разговорной речи на ваховском хантыйском, записанные лингвистами в национальном селе Корлики Ханты-Мансийского автономного округа в 2018 году, а также сказки и бытовые рассказы на васюганском хантыйском, записанные Л.И. Калининой в 1966 г в Каргасокском районе Томской области. Информантами выступили носители вахского хантыйского языка, жители села Корлики: Ж. А. Хохлякина (1967 г.р.), В. Г. Кунин (1962 г.р.), А.С. Каткалев (1985 г.р.), Т.И. Сигилетова (1986 г.р.). Информантами васюганского были А. Н. Бардин и И.К. Могутаев. Корпуса по вахскому и васюганскому хантыйскому, использованные в анализе, имеют общий объём около 15 тысяч словоформ и доступны в онлайн лабратории ЛингвоДок [7-9].

В анализе применяется гибридная методологическая схема, сочетающая традиционные подходы с современными инструментами корпусной лингвистики. Наряду с общенаучными методами, такими как интерпретация и генерализация, в исследовании используются специализированные корпусные инструменты, включая диверсифицированные поисковые стратегии, анализ текстовой мета-разметки и процедуры конвертации данных. Эти методики дополнялись полевыми методами, прежде всего элициацией и включённым наблюдением, что обеспечивает опору аналитических результатов на эмпирические лингвистические данные.

2. Результаты анализа и их интерпретация

Как отмечается в лингвистической литературе, эвиденциальные значения репрезентируют широкий спектр семантических нюансов: от непосредственного наблюдения за описываемыми событиями до стремления говорящего дистанцироваться от ответственности за истинность передаваемых сведений. В этот континуум входят такие категории, как цитирование и пересказ чужой речи, маркирование действий, совершённых «заглазно», подчёркнутая достоверность или, напротив, выражение сомнений и предположений, инференциальные умозаклчения (выводы, сделанные на основе наблюдаемых результатов), адмиративные оттенки (изумление при столкновении с неожиданным), а также указание на

различные сенсорные и эндофорические источники информации, презумптивные значения и констатация общепринятых истин [10, 7-9].

Коммуникативная цель – обозначить источник информации, тем самым сигнализируя о степени её надёжности, достоверности и неожиданности для говорящего - в вах-васюганском диалекте хантыйского языка достигается различными стратегиями. Выбор между лексическими средствами выражения эвиденциальной семантики коррелирует с модальностью восприятия, через которую была получена информация.

Глаголы, кодирующие прямую эвиденциальность могут быть разделены на следующие семантические подгруппы:

- визуальная: видеть, замечать, обнаруживать, наблюдать;
- аудитивная: слышать, различать (на слух), улавливать (звук);
- тактильная: ощущать, чувствовать (кожей), осязать;
- густаторная: пробовать на вкус, ощущать вкус;
- ольфакторная: чувствовать запах, различать по запаху;
- проприоцептивная / интероцептивная: чувствовать (боль, холод, усталость), ощущать (внутреннее состояние).

В дальнейшем анализе рассматриваются группы маркирования прямой эвиденциальности, выявленные на материале корпусных данных вах-васюганского хантыйского. Прямая эвиденциальность фиксирует канал получения первичных сведений – визуальный, аудиальный или иной сенсорный. Для кодирования данного типа семантики в исследуемом диалекте используются глаголы сенсорного восприятия, функционирующие в разных грамматических формах.

2.1. Визуальная эвиденциальность

Прямой, визуальный способ получения информации выражается посредством глагола вах. *wuta*, вас. *unta* ‘видеть’ (вас.) [11, 531], вах. *ḱältä* ‘видеться, показаться, обнаруживать’ [12, 141], вах. *kästä* ‘замечать’ [12, 140], вах., вас. *liytä*, вас. ‘глядеть, смотреть пристально, уставиться’ [11, 206], вах. *läytä* ‘глядеть, смотреть’ [12, 154], вах. *l’öytäjätaḱ* ‘глядеть, смотреть, видеть’ [11, 213; 12, 161].

Примере (1) иллюстрирует прямую эвиденциальность, при которой говорящий маркирует информацию как полученную через непосредственное сенсорное восприятие – в данном случае визуальное.

(1)	<i>mä wu-l-əm</i>	<i>kä</i>	<i>ḱäsj-ŷən</i> ,	<i>tjə-pa</i>	<i>ju-l-ŷən</i>
	<i>paša pāni maša.</i> (вах.)				
1SG	видеть-NPST-1SG.S	два	человек-DU	это-ALL	идти-NPST-
3DU.S	Паша и Маша				
	‘Я вижу два человека, сюда идут Паша и Маша’.				

Первая часть предложения (*mä wu-l-əm kä ḱäsj-ŷən*) задаёт эвиденциальную рамку: «я вижу → это достоверно». Вторая часть (*tjə-pa ju-l-ŷən...*) разворачивает содержание воспринятого события. Такая структура позволяет говорящему одновременно: зафиксировать источник информации (зрение); передать содержание события. В данном примере используется синтаксическое оформление, при котором акт восприятия предшествует описанию события.

Использование конструкции с глаголом *wu-* ‘видеть’ выполняет несколько коммуникативных функций: усиливает достоверность: говорящий подчёркивает, что сообщение основано на прямом наблюдении, а не на слухах или умозаклчениях; снимает потенциальные сомнения: в ситуациях, где источник информации может быть поставлен под вопрос, эксплицитное указание на визуальное восприятие служит стратегией эпистемического обоснования;

фокусировка внимания: конструкция привлекает внимание слушателя к акту восприятия как к значимому элементу ситуации.

Проиллюстрируем выражение прямой визуальной эвиденциальности еще одним примером (2).

(2) <i>əŋk-äl</i>	<i>suj-ä</i>	<i>mən-m-äl-nə</i>		
мать-POSS.3SG	голос-LAT	идти-PFV.PTCP-3SG-LOC		
uw-əyt-əṭə		<i>əŋkäl</i>	<i>jəŋkjol</i> (вас.)	
видеть-SMF-NST.SG<2DU/3DU/2PL.S		мать-POSS.3SG	вода.колдун	
<i>қапəŋ-nə</i>	<i>jal-wəl</i> (вас.)			
край-LOC	стоять-NPST.3SG.S			

‘На голос матери идя, увидел: мать его у воды стоит’.

Первая часть (*əŋk-äl suj-ä mən-m-äl-nə*) задаёт обстоятельство восприятия: субъект движется на звук. Глагол (*uw-əyt-əṭə*) фиксирует момент визуального обнаружения. Вторая часть (*əŋkäl jəŋkjol қапəŋ-nə jal-wəl*) разворачивает содержание увиденного. В примере отсутствует семантика инференции (вывода по результату) или репорта (пересказа чужих слов). Субъект наблюдает сам процесс/состояние, а не только его результат. Информация не передаётся от третьего лица, а фиксируется непосредственно наблюдателем. Синтаксически акт восприятия предшествует описанию события.

В обоих примерах (1–2) эвиденциальное значение передаётся лексически – посредством глагола восприятия *wuta* (вас. *unta*) ‘видеть’, а не через специализированный морфологический показатель. В примере (1) глагол восприятия употреблён в личной форме не прошедшего времени (NPST) субъектного спряжения (S), а в примере (2) – в форме бессуффиксального времени с нейтральной семантикой (NST) [13, 142] объектного спряжения (O). Примечательно, что в предложении (2) форма бессуффиксального времени относит событие к прошлому, тогда как в аналогичных конструкциях с глаголом *wuta* (вас. *unta*) ‘видеть’ та же форма может маркировать настоящее время.

Приведем ещё один пример (3) с глаголом *unta* ‘видеть’, который также передаёт перцептивное значение в форме бессуффиксального времени, однако в данном случае форма относит событие к настоящему времени. Употребление бессуффиксального времени с глаголом восприятия *unta* является частотным явлением для васюганского говора.

(3) <i>puyl-a</i>	<i>joŋ</i>	<i>jöŋi-t</i>	<i>ulə-ŋəl</i>		
деревня-LAT	домой	приходить-IPFV.PTCP	видеть-NST.DU.3SG.S		
<i>қот әһл'</i>	<i>оути-на</i>	<i>қас</i>	<i>оу</i>	<i>қот</i>	<i>solil</i>
где пень	верх-LOC	человек	голова	где	кишки
					дерево-LAT

‘В деревню пришли и видят, где на пнях человечьи головы, где кишки на дереве нанизаны’.

Первая часть (*puyl-a joŋ jöŋi-t*) задаёт пространственно-временную рамку: субъекты прибывают в локацию. Глагол (*ulə-ŋəl*) фиксирует момент визуального обнаружения. Вторая часть (*қот әһл' оути-на...*) разворачивает содержание увиденного (детали сцены). Пример также демонстрирует синтаксическое оформление, при котором акт восприятия предшествует описанию увиденной сцены.

В примерах (4–5) глагол *wuta* ‘видеть’ также выступает как прямой лексический индикатор визуального канала получения информации. Говорящий не просто сообщает о факте знания или получения сведений ‘из вторых рук’, а эксплицитно называет способ восприятия – зрение. При этом глагол зрительного восприятия функционирует в посессивно-пассивной конструкции (*mä-nə ... wu-ŋas-j*, букв. «мне / у меня ... было увидено»), где говорящий (*mä-nə*) представлен как локус, в котором произошло восприятие. Подобная конструкция с экспериенцером в локативе является типичной для восточно-хантыйских диалектов.

Согласование временных форм в примерах (4–5) демонстрирует определённую закономерность: матричный глагол *wu-* ‘видеть’ задаёт визуальную эвиденциальную рамку,

он употреблён в форме недавно-прошедшего неопределённого времени (PST2, показатель *ŋas*). Зависимый глагол (*wə-s*, *mən-s-*) маркирован формой недавно-прошедшего определённого времени (PST1, показатель *-s-*), что грамматически подтверждает статус информации как непосредственно наблюдаемой. В вах-васюганском диалекте форма глагола на *-s-* может рассматриваться как средство синкретичного выражения темпоральной и эвиденциальной семантики [14].

Примечательно, что сам глагол зрительного восприятия в форме недавно-прошедшего определённого времени на *-s-* в корпусе не зафиксирован. Вероятно, это связано с семантической избыточностью: лексема *wuta* ‘видеть’ уже эксплицитно маркирует визуальный источник информации, поэтому дополнительное морфологическое дублирование эвиденциальности оказывается немотивированным. Говорящий, используя конструкцию «я видел + определенное время на *-s-*», подчёркивает максимальную достоверность сообщения: он был непосредственным визуальным свидетелем ситуации в момент её совершения.

(4) <i>mä-nə</i>	<i>wu-ŋas-j</i>	<i>nün</i>	<i>məlaqotl</i>	<i>jälil-tə</i>
<i>mən-s-ən</i> (вах.)				
1SG-LOC	видеть-PST2-PASS.3SG 2SG	2SG	вчера	охотиться-INF
	идти-PST1-2SG.S			

‘Я видел, как ты вчера пошел на охоту’.

(5) <i>mä-nə</i>	<i>məlaqotl</i>	<i>wu-ŋas-j</i>	<i>kol'ä</i>	<i>lotka</i>	<i>wə-s</i> (вах.)
1SG-LOC	вчера	видеть-PST2-PASS.3SG	Коля	лодка	брат-
	PST1.3SG.S				

‘Я вчера видел, что Коля лодку взял (купил)’.

Пример (6) демонстрирует употребление глагола зрительного восприятия *wu-* ‘видеть’ в форме давнопрошедшего определённого времени (PST3, показатель *-ŋal-*), которая указывает на завершенность акта восприятия: событие видения произошло в прошлом и зафиксировано говорящим как установленный факт.

(6) <i>mä-nə</i>	<i>wu-ŋal-j</i>	<i>kol'ä</i>	<i>niŋ-əl</i> (вах.)
1SG-LOC	видеть-PST3-PASS.3SG	Коля	женщина-POSS.3SG

‘Я увидел жену Коли’.

Пример (7) иллюстрирует прямую визуальную эвиденциальность в отрицательной форме – ситуацию, при которой говорящий сообщает об отсутствии визуального восприятия ожидаемых объектов. Эвиденциальное значение передаётся через глагол сенсорного восприятия *қältä*. Отрицание *əntə* маркирует отсутствие перцепции, что само по себе является источником информации: «я смотрел – не увидел». Синтаксическое оформление конструкции, при котором объекты не-видения выступают как грамматический субъект глагола восприятия.

(7) <i>mä</i>	<i>niŋ-əm</i>	<i>werəŋ-ot-l-əl-na</i>	<i>əntə</i>	<i>қältä-t</i>
(вас.)				
1SG	женщина-1SG	маленький.вещь-POSS.3SG-COM NEG.PRTL		видеть-NST-3PL.S

‘Моей жены с детьми не видно’.

В примере (8) эвиденциальное значение передаётся через лексему *käs-* ‘замечать’ в неличной форме глагола.

(8) <i>lönkr-äli</i>	<i>jöŋ-tə</i>	<i>təŋi</i>	<i>käs-m-il-ä</i>	<i>laŋ-s-ət</i>
(вах.)				
мышь-DIM	танцевать-IPFV.PTCP	место	замечать-PFV.PTCP-3PL-LAT	вставать-PST1-3PL.S

‘Мышонка, танцующего на месте, увидели, остановились’.

Первая часть (*lōŋkr-āli jōy-tā təy*) описывает объект восприятия с сопутствующим действием ('мышонка, танцующего на месте'). Глагол *kās-m-il-ā* фиксирует момент визуального обнаружения. Основное сказуемое *lal-s-ət* передаёт реакцию на увиденное в форме недавно-прошедшего определенного времени (PST1, показатель -s-). Глагол восприятия *kās-m-il-ā* оформлен как причастие (IPFV.PTCP, показатель -m-), а не как личная форма глагола. При этом основное сказуемое предложения стоиит в форме PST1, что подтверждает прямой статус знания. Субъекты наблюдают сам процесс (танец мышонка), а не только его результат. Информация не получена от третьего лица, а является результатом личного сенсорного опыта.

Пример (9) демонстрирует стратегию выражения прямой визуальной эвиденциальности с митаривно-конфирмативным оттенком. Это достигается за счёт следующих средств: использования глагола восприятия *kās-i* 'замечать/найти' в пассивной форме (PASS, показатель -i); оформления субъекта *iki-nā* в локативе (LOC, маркер -nā), что маркирует восприятие как событие, произошедшее с экспериенцером; сочетания с частицей *märtüyā* 'оказывается/на самом деле/будто бы' [12, 164], добавляющим значение неожиданного обнаружения или подтверждения; завершения высказывания наименованием обнаруженного объекта (iŋ 'медведь'). Такая конструкция позволяет говорящему одновременно эксплицитно указать на источник информации, подтвердить достоверность обнаружения и передать неожиданность или когнитивный перелом в момент идентификации объекта.

(9) *iki-nā kās-i märtüyā*
 iŋ (вах.)
 старик-LOC замечать/найти-NST.PASS.3SG оказывается/на.самом.деле/будто.бы
 медведь

Когда старик разглядел, оказалось: медведь.

Пример (10) демонстрирует стратегию выражения прямой визуальной эвиденциальности с однократным актом восприятия через использование глагола направленного восприятия *läy-* 'глядеть' в семельфактивной форме (SMF, показатель -əm-), маркирующей мгновенное действие 'взглянуть'. Первая часть (*rät' tŋy-l-a təy-l-a läy-əm-yən*) описывает акт мгновенного визуального поиска. Вторая часть (*koj-pā əntə-əm*) передаёт результат восприятия через отрицательную частицу. Семельфактивный маркер -əm- указывает на однократность и мгновенность действия: старик не «смотрел» продолжительно, а «бросил взгляд», «взглянул». Это создаёт эффект быстрого, но целенаправленного визуального сканирования пространства. В эвиденциальной функции это подчёркивает, что даже краткого акта восприятия было достаточно для получения достоверного знания об отсутствии объекта. Конструкция передаёт достоверное знание об отсутствии: «бросил взгляд → не увидел → значит, никого нет».

(10) *rät' tŋy-l-a təy-l-a läy-əm-yən koj-pā*
 əntə-əm (вах.)
 старик здесь-3SG-LAT там -3SG-LAT взглянуть-SMF-NST.3SG.S кто-PTCL
 NEG.PRTL-PFV.PTCP

‘Старик туда-сюда посмотрел – никого нет’.

Пример (11) также демонстрирует стратегию выражения прямой визуальной эвиденциальности в момент обнаружения через использование глагола направленного восприятия *läy-* в семельфактивной форме (-əm-), маркирующей мгновенный акт 'взглянуть'; использование формы непростешедшего времени (NPST) во второй части для создания эффекта непосредственного наблюдения; синтаксическое оформление, при котором акт восприятия непосредственно предшествует описанию увиденной сцены. Такая конструкция позволяет говорящему эксплицитно указать на источник информации (визуальный поиск), подчеркнуть внезапность обнаружения и погрузить слушателя в момент восприятия события.

(11) *t'u län-nā rät' juy pat'-a läy-əm-yən* –

этот/тот время –LOC старик дерево чаща-LAT взглянуть-SMF-
 NST.3SG.S
alla jay-ə para pöt'kän-nat jō-wəl-t (вах.)
 большой люди-OBJ толпа ружье-COM идти-NPST-3PL

‘Тогда старик в сторону леса посмотрел – большая толпа людей с ружьями идут’.

Прямая визуальная эвиденциальность в вах-васюганском диалекте выражается лексически – глаголами восприятия (вах. *wuta*, вас. *unta* 'видеть', *ķältä* 'виднеться', *läytä* 'глядеть, смотреть'), а не специализированными морфологическими показателями. Как правило, акт восприятия предшествует описанию события, создавая эвиденциальную рамку достоверности. Глаголы восприятия функционируют в различных временных формах. Характерно использование пассивной конструкции с локативным субъектом (*mā-nā ... wu-yas-j* «мне было увидено»), где говорящий представлен как локус восприятия. Отсутствие перцепции (əntə) также маркирует информацию как основанную на личном опыте наблюдения. Конструкции с глаголами восприятия служат стратегией эпистемического обоснования, подчёркивая достоверность сообщения через апелляцию к прямому наблюдению.

2.2. Аудитивная эвиденциальность

Аудитивный тип прямой эвиденциальности в вах-васюганском диалекте хантыйского языка выражается преимущественно лексически – посредством глаголов сенсорного восприятия *ķolta*, 'слышать / чувствовать / ощущать' *ķolenta* 'слушать' [Терешкин 1961: 147; 1981: 169] и *sät'tä* 'слышаться / доноситься / чувствоваться' [Терешкин 1961: 186]. глаголы *ķolta* и *sät'tä*, характеризуются широкой семантической валентностью, которая выходит за рамки узко аудитивного значения. В языковой картине мира носителей диалекта акт «слышания» концептуализируется как общее сенсорное переживание, при котором информация проникает к субъекту извне независимо от конкретной модальности. Благодаря этому *ķolta* способен кодировать не только слуховое восприятие (слышать голос, звук, речь), но и тактильные ощущения (слышать боль, холод, прикосновение), вкусовые сигналы (слышать вкус, привкус), обонятельные стимулы (слышать запах, аромат), а также interoцептивные состояния (слышать усталость, голод, внутреннее беспокойство). Такая полисемия отражает кросс-модальную организацию сенсорной лексики: вместо разграничения каналов восприятия через отдельные глаголы используется единый предикат, маркирующий сам факт получения информации через непосредственное чувственное переживание. В эвиденциальной функции это позволяет говорящему эксплицитно указать на прямой, неопосредованный характер знания, не детализируя при этом конкретный орган чувств, что делает *ķolta* универсальным инструментом маркирования прямой перцептивной эвиденциальности в диалекте

Примерах (12-13) иллюстрируют прямую аудитивную эвиденциальность – ситуацию, при которой субъекты получают информацию через непосредственное слуховое восприятие. В примере (12) форма глагола *ķol-int-l-wəl-t* содержит детранзитивный суффикс -int- и мультипликативный -l-, что указывает на активное, направленное, повторяющееся действие – «прислушиваются», «вслушиваются». В примере (13) форма *ķol-l-əl* не содержит детранзитива. Субъекты воспринимают сам звуковой сигнал (лай), а не его результат или описание от третьего лица. Информация является результатом личного сенсорного опыта. Конструкция передаёт чистую аудитивную перцепцию: «слышат → это достоверно».

(12) *jəy ķol-int-l-wəl-t uŋantə-wəl jəy āmp-il*
 (вах.)
 3PL слышать-DETR-MULT-NPST-3PL.S лаять-NPST.3SG 3PL 3PL собака-
 POSS.3PL

‘Они прислушиваются: лает их собака’.

(13) <i>jəy-ən</i>	<i>kol-l-əl</i>	<i>uyantə-wəl</i>	<i>jəy</i>
<i>əmp-il.</i> (вас.)			
3PL-LOC	слушать-NPST-SG<3PL.S	лаять-NPST.3SG.S	3PL
собака-POSS.3PL			

‘Они слышат: лает их собака’.

В примере (14) глагол *kolta* вводит пропозицию как результат непосредственного аудиального наблюдения. Говорящий воспринимает сам звуковой сигнал, а не его результат или описание от третьего лица. Информация является результатом личного сенсорного опыта. Конструкция передаёт чистую аудиальную перцепцию: «слышу → это достоверно».

Важно заметить, что, как и глагол визуального восприятия *wuta* ‘видеть’, глагол аудиального восприятия *kolta* также может использоваться в типичной для вах-васюганского диалекта пассивной конструкции (*kol-l-i*) с локативным субъектом (*mā-nə*). Такая структура представляет восприятие как событие, происходящее с экспериенцером, а не как активное действие с его стороны. Объект восприятия (*t’arəs sōj* ‘шум моря’) выступает в роли прямого дополнения.

Использование конструкции с глаголом *kol-* в пассивной форме с экспериенцером в локативе выполняет функцию эпистемического обоснования: говорящий подчёркивает, что сообщение основано на прямом сенсорном опыте, а не на догадках или слухах. Таким образом, лексико-синтаксическое оформление высказывания служит стратегией подтверждения его истинности через апелляцию к непосредственному восприятию.

(14) <i>mā-nə</i>	<i>t’arəs sōj</i>	<i>kol-l-i.</i> (вах.)
1SG-LOC	море	слышать-NPST-PASS.3S

‘Я слышу шум моря’.

Пример (15) иллюстрирует прямую аудиальную эвиденциальность – ситуацию, при которой субъекты повествования (рабочие) маркируются как получатели информации через непосредственное слуховое восприятие. Важным аспектом является то, что глагол *kol-s-i* оформлен показателями пассивной конструкции и маркером определённого недавно-прошедшего времени (PST1, показатель *-s-*) с субъектом в локативе (*ku-j-nə*). Это свидетельствует о том, что акт восприятия фиксируется как завершённый и определённо произошедший факт. Первая часть (*ro il-ta ku-j-nə kol-s-i*) задаёт эвиденциальную рамку: рабочие услышали. Объект восприятия (*t’äläytä-m-äl sōj* ‘звук крика’) оформлен через причастие, что указывает на завершённость звукового сигнала. Вторая часть (*pāni tōy nōräytä-s-ät*) описывает реакцию на воспринятое. Конструкция передаёт чистую аудиальную перцепцию: «услышали → отреагировали».

(15) <i>ro il-ta</i>	<i>ku-j-nə</i>	<i>kol-s-i</i>
работать-INF	мужчина-EP-LOC	слышать-PST1-PASS
<i>t’äläytä-m-äl</i>	<i>sōj</i>	<i>pāni</i>
крикнуть-PFV.PTCP-3SG	звук	и
<i>-tala,</i>	<i>ropil-ta-nə</i>	<i>tōy</i>
вот.так	работать-INF-LOC	здесь
<i>ropil-ta</i>	<i>onəl-l-ən.</i> (вах.)	<i>t’imint-äki,</i>
работать-INF	уметь-NPST-2SG/S	такой-PRD
		2SG
		только

‘Рабочие услышали крик и сюда прибежали: – Вот так работа, так только ты работать умеешь’.

Пример (16) иллюстрирует прямую аудиальную эвиденциальность – ситуацию, при которой субъект повествования (женщина) маркируется как получатель информации через непосредственное слуховое восприятие. Ключевыми маркерами выступают два глагола восприятия: *kolla-tə* (активное слушание) и *sät-wəl* (пассивное слышание). Первая часть (*ni*

əntə woj-əyən) задаёт условие восприятия – бодрствование; причастие *kolla-tə* описывает направленность слуха. Вторая часть (*koj-kəm il-ən sät-wəl*) передаёт содержание воспринятого с неопределённым источником. Использование причастия *kolla-tə* вместо личной формы создаёт эффект одновременности: женщина не спит → прислушивается → слышит – все три состояния разворачиваются в один временной отрезок. При этом неопределённость источника (*koj-kəm* ‘кто-то’) не снижает эвиденциальный статус: женщина достоверно слышит звук, но не может идентифицировать его источник. Это создаёт эффект напряжённой перцепции: факт слышания достоверен, но содержание остаётся неспецифицированным. Пример демонстрирует стратегию выражения прямой аудиальной эвиденциальности с двойным лексическим маркированием.

(16) <i>ni</i>	<i>əntə</i>	<i>woj-əyən</i>	<i>kolla-tə</i>	<i>koj-kəm</i>
<i>il-ən</i>		<i>sät-wəl</i> (вас.)		
женщина	не	спать-NST.3SG.S	слушать-IPFV.PTCP	кто-INDF
внизу-LOC		слышаться-NPST.3SG.S		
				‘Женщина не спит, слышит: кто-то внизу слышится’.

2.2.1 Кросс-модальная семантика глагола *kolta* и *sät’tä*

Глагол *kolta* ‘слышать’ и *sät’tä* ‘слышаться’ в вах-васюганском диалекте характеризуется кросс-модальной семантикой: их основное значение ‘слышать’ и ‘слышаться’ расширяются до более общего ‘чувствовать / ощущать’. В результате глаголы способны кодировать не только аудиальную перцепцию, но и тактильные, температурные, проприоцептивные ощущения. В эвиденциальной функции это означает, что глаголы маркируют прямую перцепцию через любой сенсорный канал, а не только через слух. Примеры (17-18) демонстрирует именно такое расширенное употребление. В примере (17) *sät’-kas* функционирует как маркер тактильной эвиденциальности. Глагол вводит пропозицию как результат непосредственного сенсорного опыта. Инструменталис *el-äl-nä* ‘телом’ эксплицитно указывает на канал восприятия – не слух, а телесное ощущение. Углагол маркирует прямое сенсорное знание, полученное через непосредственный опыт. Субъект не делает вывод о температуре воды на основе косвенных признаков – он ощущает холод непосредственно через телесный контакт. Конструкция передаёт чистую тактильную перцепцию: «чувствуется телом → это достоверно». Конструкция не является пассивной, но субъект оформлен локативным падежом, дословно «у меня телом чувствуется». Глагол в субъектом спряжении недавно-прошедшего неопределённого времени.

(17) <i>lūy-ən</i>	<i>el-äl-nä</i>	<i>sät’-kas</i>	<i>patəm</i>
<i>jəŋk.</i> (вах.)			
3SG-LOC	тело-POSS.3SG-COM	слышаться-PST2.3SG.S	мерзлый
вода			

‘Телом почувствовал (услышал), что вода холодная’.

Пример (18) также иллюстрирует прямую тактильную эвиденциальность – ситуацию, при которой информация получена через температурное восприятие. Маркером выступает глагол *kolta*, также в форме недавно-прошедшего времени. Однако здесь используется объектное спряжение (*kol-yas-ətə*), которое грамматически подчеркивает направленность восприятия на объект (воду) и фиксацию его свойств. Оформление слова «телом» частицей *-ti* (*el-äl-nä-ti*) создаёт дополнительный акцент на физическом способе получения сведений. В отличие от примера (17), где акцент сделан на самом ощущении, здесь подчеркивается достоверный результат этого ощущения: субъект «услышал» (почувствовал) холод воды как очевидный физический факт.

(18) <i>lūy-ən</i>	<i>el-äl-nä-ti</i>	<i>kol-yas-ətə</i>
<i>patəm</i>	<i>jəŋk</i> (вах.)	

3SG-LOC тело-POSS.3SG-COM-PTCL слышать-PST2-SG<3SG.S

мерзлый вода

Телом почувствовал (услышал), что вода холодная.

Пример (19) демонстрирует использование сенсорного глагола для выражения общей температурной эвиденциальности (проприоцепции).

(19) *sät'-wäl* *kat* *koŋöḱ-əḱi* (вах.)

слышать-NPST.3SG.S дом теплый-PRD

‘Чувствуется (досл. слышится), что в избе тепло’.

В данном примере глагол *sät't'ä* в форме настоящего времени (NPST) маркирует прямую перцепцию среды в момент речи. Здесь не требуется указывать конкретный орган чувств, так как тепло в помещении воспринимается всем телом одновременно. Эвиденциальная функция глагола заключается в том, что он представляет информацию как неоспоримый факт, основанный на личном нахождении говорящего в данном пространстве. Значение «слышится» здесь полностью замещается значением «ощущается», подтверждая статус информации как полученной из личного чувственного опыта.

Семантический сдвиг глаголов *kolta* и *sät't'ä* от ‘слышать/слышаться’ к ‘чувствовать’ подтверждает их кросс-модальную природу и способность функционировать как универсальный маркер прямой перцептивной эвиденциальности в вах-васюганском диалекте.

2.4. Семантическая деривация глагола *kolta*: от прямой перцепции к косвенной эвиденциальности

Глагол *kolta* ‘слышать, чувствовать, ощущать’ в вах-васюганском диалекте характеризуется способностью функционировать в различных эвиденциальных контекстах, демонстрируя постепенную семантическую деривацию от маркирования прямой сенсорной перцепции к выражению косвенных типов знания. На материале корпуса вах-васюганского диалекта рассмотрим использование этого глагола в репортативных и инференциальных конструкциях.

Пример (20) иллюстрирует косвенную репортативную эвиденциальность – ситуацию, при которой говорящий получил информацию не через непосредственное восприятие события, а через чужой рассказ. Глагол *kolṽa-s-əm* (PST1) функционирует не как индикатор прямой аудиальной перцепции, а как показатель получения сведений «из вторых рук». В отличие от примеров с прямой перцепцией, здесь фиксируется не сам звуковой сигнал, а содержание переданной информации. Первая часть (*mä kim mä ka t'u-mjnt sōj kolṽa-s-əm*) задаёт эвиденциальную рамку: «я слышал (от других)». Вторая часть (*kol'ä kim pärtäy jō-ṽäs*) передаёт содержание услышанного с маркерами неопределённости (*kim*). Глагол восприятия в главной части употреблён в форме определённого недавно-прошедшего времени (PST1, показатель -s-), тогда как глагол в зависимой части маркирован формой неопределённого недавно-прошедшего времени (PST2, показатель -ṽäs). Такое разграничение может отражать эпистемическую дистанцию: факт получения информации фиксируется как определённый (-s-), тогда как само сообщаемое событие описывается как не наблюдаемое говорящим напрямую (-ṽäs). Глагол *kolṽa-* ‘слышать’ употреблён в переносном значении «узнать из чужих слов», что, вероятно, обуславливает его совместимость с маркером -s- (PST1). Для глагола *wuta* ‘видеть в вах-васюганском диалекте такая сочетаемость не характерна: формы определённого прошедшего на -s- с этим глаголом в корпусе не зафиксированы, что может свидетельствовать о более строгом разграничении прямой визуальной и опосредованной аудиальной эвиденциальности. Говорящий не является очевидцем возвращения Коли; информация получена через посредника (чужую речь). Конструкция передаёт репортативное знание по схеме «мне сказали → я транслирую». Частицы *kim* ('приблизительно') и *ka*

усиливают значение сниженной уверенности, что типично для репортативной эвиденциальности: говорящий передаёт информацию, но не готов поручиться за её точность.

(20) *mä kim mä ka t'u-mjnt sōj*

kolṽa-s-əm (вах.)

1SG приблизительно 1SG PTCL этот-INTN.DET звук

слышать-PST1-1SG.S

kol'ä kim pärtäy jō-ṽäs (вах.)

Коля приблизительно обратно приезжать-PST2.3SG.S

‘Я такое слышал, что Коля вернулся’.

Приведем ещё пример (21), где сенсорный глагол также иллюстрирует косвенную репортативную эвиденциальность – ситуацию, при которой информация получена через чужой рассказ, слухи или общественное мнение, а не через непосредственное восприятие говорящего. Первая часть (*kol-ṽas-i*) задаёт эвиденциальную рамку: «слышно» / «есть слухи» / «говорят». Вторая часть (*t'u äsjäy ni jō-ṽäs*) передаёт содержание слуха с маркированием неопределённости. Говорящий не является ни очевидцем события, ни прямым получателем чужого рассказа. Информация представлена как общедоступная, циркулирующая в социуме. Конструкция передаёт слух / молву: «говорят / слышно → я транслирую». В отличие от примеров с прямой перцепцией и даже от репортативных конструкций с субъектом (я слышал), данная конструкция позволяет говорящему минимизировать свою ответственность за истинность сообщения, представляя информацию как общедоступный слух.

(21) *kol-ṽas-i t'u äsjäy ni*

jō-ṽäs (вах.)

слышать-PST2-PASS.3SG тот пожилая женщина

приходить-PST2.3SG.S

‘Слышно, что пожилая женщина вернулась’.

Пример (22) с глаголом сенсорного восприятия *kolta* ‘слышать’ иллюстрирует косвенную инференциальную эвиденциальность – ситуацию, при которой говорящий делает вывод о состоянии или намерениях субъекта на основе наблюдаемых поведенческих признаков, а не прямого восприятия внутреннего состояния. Эвиденциальное значение передаётся лексически – через лексему *willä* ‘как будто’, которая маркирует информацию как предположительную, а не достоверно известную. Первая часть (*wajṽa-nə willä äntä kol-l-i*) описывает наблюдаемый признак: отсутствие реакции на звук. Вторая часть (*lūy-ä äntä wänäy jō-wäl*) формулирует вывод на основе этого признака: не приближаются. Здесь глагол восприятия выступает в роли логического фильтра: говорящий переводит внешние звуковые или визуальные стимулы в область предположения о ментальных актах субъекта. Таким образом, семантика «слышания» трансформируется в семантику «понимания/интерпретации», что характерно для инференциального использования сенсорных предикатов, когда прямое свидетельство (визуальное или аудиальное) заменяется логическим выводом.

(22) *wajṽa-nə willä äntä kol-l-i, –*

зверь-LOC как.будто NEG.PRTL слышать-NPST-PASS

lūy-ä äntä wänäy jō-wäl (вах.)

3SG-LAT NEG.PRTL коротко приходить-NPST.3SG.S

‘Зверята как будто не слышат, к нему близко не подходят’.

Итак, глагол *kolta* выступает базой для формирования репортативных («я слышал», «говорят») и инференциальных («как будто») стратегий. Лексические маркеры (*kim*, *willä*) закрепляют статус сообщения как предположительного или пересказанного.

3. Заключение

В вах-васюганском диалекте хантыйского языка категория прямой эвиденциальности реализуется преимущественно лексическими средствами, в частности, через глаголы сенсорного восприятия.

Визуальная эвиденциальность кодируется глаголами типа *wuta/unta* (‘видеть’), *ḱöltä* (‘виднеться’) и *läytä* (‘глядеть’), при этом акт восприятия часто предшествует описанию события, создавая рамку максимальной достоверности. Характерно использование пассивных конструкций с локативным субъектом (*mä-ně ... wu-yas-i*), где говорящий выступает как локус восприятия. Глаголы восприятия в сочетании с лексемами типа *mörtüŷ* (‘оказывается/на само деле, как будто’) кодируют прямую эвиденциальность с компонентом миративности, маркируя неожиданное сенсорное обнаружение.

Аудитивная эвиденциальность выражается глаголами *ḱolta* (‘слышать/чувствовать’) и *sät’tä* (‘слышаться’), которые демонстрируют выраженную кросс-модальную семантику. Эти глаголы способны кодировать не только слуховое восприятие, но и тактильные, температурные и проприоцептивные ощущения, выступая в качестве универсальных маркеров прямой перцепции через любой сенсорный канал.

Ключевым аспектом исследования является семантическая деривация глагола *ḱolta*, который, помимо, своей основной функции маркирования прямой перцепции, также используется для выражения косвенной эвиденциальности. В репортивных контекстах *ḱolta* указывает на получение информации из вторых рук (слухи, чужие рассказы), часто в сочетании с лексическими маркерами (*kim* ‘приблизительно’, *willä* ‘как будто’), сигнализирующими о сниженной уверенности или предположении. В инференциальных контекстах *ḱolta* позволяет говорящему делать выводы о состоянии или намерениях субъекта на основе наблюдаемых поведенческих признаков.

Таким образом, вах-васюганский диалект хантыйского языка демонстрирует систему кодирования источника информации, где прямая перцепция, выраженная через сенсорные глаголы, служит основой для формирования как непосредственного, так и опосредованного знания, отражая тонкие эпистемические нюансы в коммуникации.

4. List of abbreviations

ALL – аллативный	NST – бессуффиксальное время
DIM – диминутивный	OBJ – объектный
DU –двойственное	PASS – пассивный
COM – комитативный	PFV.PTCP – перфектное причастие
DETR – детранзитивизатор	PTCL – частица
INDF – неопределенный	PL – множественное
INF – инфинитив	POSS – посессивный
INTN.DET – определительно-указательный	PRD – предикативный
IPFV.PTCP – имперфективное причастие	PST1 прошедшее время на -s
LAT – лативный	PST2 – прошедшее время на -yas/-yäs
LOC – локативный	PST3 – прошедшее время на -yal/-yäl
MULT – мультикативный	S – субъектный
NEG.PRTL – отрицательная частица	SG – единственный
NPST – непрошедшее время	SMF – семельфактивный

Вас. – васюганский вариант вах-васюганского диалекта хантыйского языка

Вах. – ваховский вариант вах-васюганского диалекта хантыйского языка

References

[1]. Bybee J. Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam; Philadelphia: J Benjamins, 1985. XII. 235 p.

[2]. Каксин А.Д. К вопросу о выражении адмиративного значения в русском языке. Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 424–426. / Kaksin A. D. To the question of expressing admirative meaning in the Russian language. World of Science, Culture, Education, 2018, no. 5 (72), pp. 424-426 (In Russian).

[3]. Aikhenvald A.Y. What everybody knows: Expressing shared knowledge thorough evidentials. Verb and Context: The impact of shared knowledge on TAME categories. Ed. S. R. Rosique, J. M. A. Martinez. Amsterdam: the Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2023, pp. 1-17.

[4]. Плуныян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с. / Plungyan V.A. General morphology: Introduction in the problematics. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003. 384 p. (in Russian).

[5]. Skribnik, E., Aikhenvald, A.Y. Evidentiality in Northern Asia. The Languages and Linguistics of Northern Asia: Typology, Morphosyntax and Socio-historical Perspectives / Ed. Vajda E. Berlin; Germany: De Gruyter, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 1007-1063. DOI: 10.1515/9783111378381-018.

[6]. Skribnik E., Kehayov P. Evidentials in Uralic languages. The Oxford Handbook of Evidentiality. Ed. Aikhenvald Y. A. Oxford University Press, 2018, pp. 525-553. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198759515.013.25

[7]. Корпус текстов вахского диалекта хантыйского языка. Составитель Воробьева В.В. Доступно по ссылке: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7349/279/perspective/7349/283/view/>, дата обращения: 11.03.2026. / Corpus of texts of the Vakh dialect of the Khanty language. Compiled by Vorobyova V.V. Available at: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7349/279/perspective/7349/283/view/>, accessed: 11.03.2026.

[8]. Корпус текстов вахского диалекта хантыйского языка. Составитель Ковылин С.В. Доступно по ссылке: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3021/71/perspective/3021/75/view/>, дата обращения: 05.03.2026. / Corpus of texts of the Vakh dialect of the Khanty language. Compiled by Kovylin S.V. Available at: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3021/71/perspective/3021/75/view/>, accessed: 05.03.2026.

[9]. Корпус текстов васюганского диалекта хантыйского языка. Составитель Воробьева В.В. Доступно по ссылке: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7349/35518/perspective/7349/35522/view/>, дата обращения: 11.03.2026. / Corpus of texts of the Vasyugan dialect of the Khanty language. Compiled by Vorobyova V.V. Available at: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7349/35518/perspective/7349/35522/view/>, accessed: 11.03.2026.

[10]. Каксин А.Д. +О грамматическом оформлении эвиденциальных значений в финно-угорских, самодийских и тюркских языках. Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки, 2019, № 4 (52), с. 6-20. / Kaksin A.D. About the grammatical design of evidential meanings in the Finno-Ugric, Samoyedic and Turkic languages. Bulletin of the Tuva State University. Social and Humanitarian Sciences, 2019, no. 4 (52), pp. 6-20 (in Russian).

[11]. Терешкин, Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Издательство: Л.: Наука, 1981. 544 с.

[12]. Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка (ваховский диалект). Л.: Наука, 1961, ч. 1.6 204 с. / Tereshkin N. Essays on dialects of the Khanty language (Vakh dialect). L.: Nauka, part 1, 1961, 204 p. (in Russian)

[13]. Воробьева В.В., Федоринова З.В. Новая интерпретации временной системы вах-васюганского хантыйского на современных корпусных данных платформы ЛингвоДок. Труды Института системного программирования РАН, 2026, том 38, вып. 1, с. 133-148. / Vorobeva V.V., Ftdorinova Z.V. A New Interpretation of the Tense System of Vakh-Vasyugan Khanty on the Up-to-date Corpus Data of the LingvoDoc Lab. Trudy ISP RAN/Proc. ISP RAS, 2026, vol. 38, no. 1, pp. 133-148 (in Russian).

[14]. Воробьева В.В., Новицкая И.В., Дубровская Н.В. Временная система ваховского диалекта хантыйского языка по материалам современных полевых исследований // Язык и культура. 2022, № 57, с. 30-59. / Vorobeva V.V., Novitskaya I.V., Dubrovskaya N.V. The temporalsystem of Vakh Khanty (a case study of the modern field research data). Language and Culture, 2022, vol. 57, pp. 30-59 (in Russian).

Информация об авторах / Information about authors

Виктория Владимировна ВОРОБЬЕВА – кандидат филологических наук, доцент отделения иностранных языков Школы общественных наук (ОИЯ ШОН) Томского политехнического университета. В настоящее время также ведет исследования в лаборатории Лингвистических платформ ИСП им. В.П. Иванникова РАН. Сфера научных интересов: корпусная лингвистика, обско-угорские языки, документация исчезающих языков РФ.

Victoria Vladimirovna VOROBIEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Department of Foreign Languages, School of Social Sciences of National Research Tomsk Polytechnic University. At the present time she is a researcher at the Linguistic Platforms Laboratory of Information Systems Department as well. Research interests: comparative typological linguistics, Uralic family of languages, corpus linguistics, documentation and digital processing of endangered languages.

Зоя Владимировна ФЕДОРИНОВА – кандидат педагогических наук, доцент отделения иностранных языков Школы общественных наук (ОИЯ ШОН) Томского политехнического университета. Сфера научных интересов: корпусная лингвистика, документация исчезающих языков РФ, методика преподавания иностранных языков.

Zoya Vladimirovna FEDORINOVA – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor of Department of Foreign Languages, School of Social Sciences of National Research Tomsk Polytechnic University. Research interests: corpus linguistics, documentation of endangered languages of the Russian Federation, foreign language teaching methodology.